На правах рукописи

Моцарь Светлана Владимировна

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ОБРАЗ СЕМЬИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУИЦИДАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

19.00.05 – социальная психология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Томск–2004

Работа выполнена на кафедре социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета.

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор Эмма Ивановна Мещерякова

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, доцент Эдуард Владимирович Галажинский

кандидат психологических наук, доцент Елена Павловна Молчанова

Ведущая организация: Кемеровский государственный университет

Защита состоится 23 декабря 2004 года в 12-00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.16 в Томском государственном университете по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 36, 4 корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Томского государственного университета (634050, г.Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан « » ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Т. Г. Бохан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется важностью исследования проблемы суицидальных состояний как в научно-психологическом, так и в социокультурном плане. Ежегодная военная ведомственная статистика показывает, что около двадцати процентов общего количества ежегодно гибнущих военнослужащих Российской армии уходят из жизни добровольно, и более половины из них составляют военнослужащие срочной службы по призыву, то есть молодые люди в возрасте до двадцати лет. Отдельные проявления армейской аутоагрессии, приводящей к суициду, иногда вызывают эффект индуцирования самоубийств в воинской среде. С.В.Тарасов (1999) отмечает, что в армейской среде резко меняется социально-психологический статус индивида, оторванного от привычной жизни, поэтому армия – одна из немногих социально-психологических сфер, где в современном обществе можно наблюдать символ, ритуал и следование деструктивному семейному сценарию.

Многоаспектная проблема возникновения суицидальных состояний вследствие взаимодействия личности и социума, военнослужащего и армейской среды связывается в исследовании с деструктивным образом семьи как одним из суицидальных факторов в условиях армейской службы. Суицид может прослеживаться в семейных историях, передающихся из поколения в поколение; имеющийся образ семьи («семейный сценарий», «семейный миф») служит ритуальным защитным механизмом для поддержания единства семьи, сохранения целостности личности (В.И. Брутман, А.Я. Варга, И.Ю. Хамитова, 2000; A.J. Ferreira, 1963; J. Byng-Hall, 1973; S. Palazzoli et al., 1980; C. Whitaker, 1998 и др.).

По данным В. Гольжака (2003), Н. Абрахама и М. Тёрёк (1967, 1978), И. Бузормени-Надь (1973), Ф. Дольто (1971, 1975, 1978), А.А. Шутценбергер (2001), Б. Хеллингера (2001), деструктивный образ семьи формируется на почве какого-то неразрешенного кризиса – развода, чьей-то смерти, семейной тайны. Н. Пезешкиан (1977) определяет неразрешенный кризис как актуальный конфликт, который запускает суицид через накапливающиеся микротравмы (внешние и внутренние перегрузки). Анализ причин незавершенных суицидов в ряде случаев обнаруживает следование суицидентов скрытому от них самих сцена-

рию, который носит мифологический характер (Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, 2003).

Широкий круг явлений семейной жизни, касающийся внутренних причин, активизирующих аутодеструктивные тенденции и приводящих к самоубийству, в настоящее время мало изучен в социальной психологии. В этом контексте A.J. Ferreira (1963) изучал семейные постулаты, ритуалы семьи как «семейные мифы», означающие, по его мнению, определенные защитные механизмы, используемые для поддержания единства в дисфункциональных семьях. Т.М. Мишина (1983) рассматривает «образ семьи», «образ мы» как феномен семейного самосознания, семейной идентичности – целостное, интегрированное образование, функцией которого является регуляция поведения и согласование позиций семьи. Синонимами образа семьи, по Э.Г. Эйдемиллеру, В.В. Юстицкому (1990) являются «внутренняя картина семьи», семейные мифы, семейные «верования», «убеждения», «семейное кредо», «ролевые экспектации», «согласованная защита», «наивная семейная психология». J. Bossard (1949) и M. Morval (1998) считают, что важными функциями семейных ритуалов являются и регуляция поведения, социальное обучение, передача верований, установление личной и семейной идентичности. В деструктивной, социально пассивной семье доминируют примитивные, стереотипные, поверхностные, не индивидуализированные, психологически примитивные семейные представления, семейное самосознание не конкретизировано (примитивизм семейных представлений, однако, не означает примитивизма самих отношений).

Несмотря на то, что в социально-психологической литературе имеются отдельные теоретические исследования по проблеме суицида и семейной деструкции, в научных представлениях о деструктивной суицидогенной семье очерчены лишь границы этого феномена, существуют терминологическая нечеткость и описательность, отсутствуют эмпирические исследования этой проблемы на различных выборках, что делает актуальной тему данного исследования **«Деструктивный образ семьи как один из факторов возникновения суицидальных состояний у военнослужащих».**

Цель исследования – выявить влияние деструктивного образа семьи на возникновение суицидальных состояний военнослужащих срочной службы;

апробировать программу психологической коррекции суицидальных состояний.

Объект – суицидальное состояние как социально-психологический феномен.

Предмет исследования – взаимосвязь суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы и деструктивного образа их семьи.

Гипотезы исследования:

1) Деструктивный образ семьи выступает как нарушение семейной идентичности у военнослужащих экспериментальной группы и является одним из факторов возникновения суицидальных состояний.

2) Военнослужащие с суицидальными состояниями отличаются особенностями эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы от военнослужащих контрольной группы, что обусловливает у них низкий уровень антисуицидного барьера и более высокий уровень суицидального риска.

Для достижения цели исследования и проверки выдвинутых гипотез поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать и систематизировать теоретические представления об образе семьи, установить общие закономерности анализа его структуры и влияние на возникновение суицидальных состояний.

2. Определить комплекс психодиагностических и психокоррекционных методов с целью выявления и коррекции влияния деструктивного образа семьи на возникновение суицидальных состояний.

3. Выявить уровень суицидального риска и охарактеризовать содержание антисуицидного барьера, особенности эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы у военнослужащих с суицидальными состояниями.

4. Определить возможные типы образа семьи в исследуемой выборке и роль деструктивного образа семьи в возникновении суицидальных состояний.

5. Апробировать программу психологической коррекции суицидальных состояний военнослужащих с целью предупреждения суицидальных происшествий в воинских коллективах.

Методологическую основу исследования составляют: теория символического интеракционизма Дж. Мида (1975), где личность рассматривается как

структура, образованная социальными установками и ролями, при этом важное значение играет контроль за поведением в плане соответствия социальным нормам; теория семьи как открытой социальной системы (D. Jackson, 1965; S. Minuchin, H.S. Fishman, 1981; M. Bowen, 1966, 1971); концепция суицида А.Г. Амбрумовой (1978) как следствия социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта; положения С.В. Тарасова (1999) о феномене символизации и ритуализации военной службы; концепция патологизирующего семейного наследования Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса (1999), А. А. Шутценбергер (2001) о снижении адаптивных возможностей членов дисфункциональных семей за счет формирования, фиксации и трансгенерационной передачи деструктивного образа семьи от поколения к поколению.

Опытно-экспериментальная база - шесть рот (17 взводов) мотострелкового батальона воинской части Сибирского военного округа. Всего исследованием было охвачено 428 испытуемых, из них исследуемую выборку составили 142 военнослужащих в возрасте 18 лет. Экспериментальная группа представлена 71 военнослужащим срочной службы с суицидальными состояниями. Контрольная группа («Норма») состояла из 71 военнослужащего без суицидальных состояний.

Организация и этапы исследования. Исследование проводилось в три этапа: I этап (2001 – 2002 гг.) – *проблемно-поисковый,* связан с изучением подходов к пониманию образа семьи в зарубежной и отечественной психологии и психотерапии, концепций суицида в психологии и философии, анализом проблемы психотравмирующего воздействия условий военной службы на личность военнослужащих, особенностей психокоррекции суицидальных состояний и деструктивного образа семьи. В результате были определены проблемное поле исследования, его категориальный аппарат и основные базовые понятия. II этап (2002 – 2003 гг.) – *поисково-эмпирический*, связан с определением комплекса психодиагностических методов, разработкой программы психокоррекции суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы, проведением психодиагностического и психокоррекционного этапов эксперимента. III этап (2003 – 2004 гг.) – *теоретико-обобщающий*, цель которого проана-

лизировать влияние деструктивного образа семьи на возникновение суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы, раскрыть социально- психологические особенности военнослужащих с различными типами образа семьи, сформулировать выводы, оформить результаты исследования в виде кандидатской диссертации.

Научная новизна исследования заключается в экспериментальном изучении феномена «образ семьи» у военнослужащих срочной службы; описании структуры и типологии образа семьи; определении роли деструктивного образа семьи в возникновении суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы; особенностей эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы военнослужащих; факторов формирования антисуицидного барьера у военнослужащих срочной службы.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку проблемы суицидальных состояний и состоит в уточнении дефиниции понятия «образ семьи», обосновании представления о взаимосвязи деструктивного образа семьи и суицидальных состояний; разработке описательной эмпирической модели деструктивного образа семьи на основе анализа его содержания, структуры и функций.

Практическая ценность работы состоит в разработке операциональных критериев определения деструктивного образа семьи, авторской психодиагностической методики «Антисуицидный барьер личности» и программы «Психологическая коррекция суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы». Полученные результаты могут быть использованы: при психодиагностике антисуицидного барьера с целью отбора в группы риска; в процессе учебно-воспитательной работы с юношами призывного возраста в образовательных учреждениях в целях предупреждения суицида и более эффективной адаптации к психотравмирующим воздействиям армейской службы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Структуру образа семьи составляют блоки категорий, представленных соответствующими темами-признаками в его психосемантическом пространстве и относящихся к динамике семейной истории и семейного мифотворчества.

2) Существуют различия в конструктивном и деструктивном образе семьи, отражающие субъективное восприятие военнослужащими своей семьи и рода, личностные установки, особенности эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы, духовные и экзистенциальные ценности, наличие семейной идентичности.

3) Деструктивный образ семьи выступает в качестве одного из социально-психологических факторов возникновения суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы.

4) Психокоррекционная программа, направленная на дезактуализацию суицидальных состояний, позволит эффективно реализовать формирование антисуицидного барьера у военнослужащих срочной службы, решить задачи социальной адаптации в воинском коллективе (взводе, роте).

Достоверность результатов и значимость выводов обеспечиваются методологическими положениями исходных оснований исследования; применением комплекса методов теоретического и методик эмпирического исследования, адекватных его целям, задачам и внутренней логике; результатами сопоставления данных, полученных на основании использования различных методик; достаточным объемом выборки и измеряемых характеристик.

Апробация работы. Отдельные выводы и положения диссертации нашли отражение в докладах на Всероссийской научно-практической конференции по проблеме превенции отклоняющегося поведения (г. Юрга, 27 ноября 2003 г.), на Сибирском психологическом форуме «Методология современной психологии: иллюзии и реальность» (г. Томск, 16-17 сентября 2004 г.), обсуждались на кафедре педагогики и психологии Кузбасского областного педагогического института (22 декабря 2003 г., 11 ноября 2004 г.), на кафедре социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета (30 июня, 13 октября 2004 г.).

Практическое внедрение. Результаты исследования внедрены в практику психодиагностической и психокоррекционной работы психологической службы воинской части Сибирского военного округа, Управления внутренних дел г. Ленинска-Кузнецкого; учебно-воспитательной работы открытой сменной

средней общеобразовательной школы № 3 г. Ленинска-Кузнецкого. Содержание диссертации отражено в пяти публикациях автора.

Структура диссертации. Работа включает введение, три главы, заключение, выводы, библиографию (149 отечественных авторов и 51 – иностранных), приложения. Текст диссертации иллюстрирован 24 таблицами и 17 рисунками. В приложении представлены результаты математической обработки данных и программа психокоррекции суицидальных состояний военнослужащих срочной службы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цель, гипотезы, задачи, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные апробации и внедрения результатов исследования, подтверждающие ее достоверность.

Глава первая «*Теоретико-методологические основания исследования роли деструктивного образа семьи в возникновении суицидальных состояний военнослужащих*» посвящена теоретическому анализу современного состояния проблемы семьи, суицида и влияния условий военной службы на личность военнослужащих.

В *параграфе 1* образ семьи рассматривается как социально-психологический феномен; раскрываются особенности его структуры, критерии определения; описываются современные формы и методы психокоррекции деструктивного образа семьи, способствующего возникновению суицидальных состояний.

В отечественной психологии образ семьи рассматривается как «внутренняя картина семьи» или «семейные представления». Э.Г. Эйдемиллер (1999) определяет семейные представления как «внутреннюю картину (образ) семьи», включающий представления индивида о самом себе, своих потребностях, возможностях, о других членах семьи, с которыми индивида связывают семейные отношения, и о характере этих отношений. Нарушения семейных представлений часто приводит к возникновению состояний «экзистенциальной фрустра-

ции» (В. Франкл, 1952; S. Kratochvil, 1985) в результате неудовлетворения действительных потребностей семьи.

Общее формирование внутреннего образа семьи происходит на протяжении всего жизненного цикла многих семейных поколений, за счет социализации, благодаря культуре и средствам массовой информации, межличностному общению, «межличностной сети», в которую включена система семьи (M. Bowen, 1966, 1971). Согласно Э. Берну (1964), в роли организующего начала внутреннего образа семьи выступает совокупность, последовательность сценариев повседневной жизни семьи, формирующихся в раннем детстве под влиянием родителей и активизирующих суицидальные состояния наличием стрессовых реакций.

Т.М. Мишина (1983) считает, что адекватный образ семьи («мы») определяет стиль жизни семьи, характер и правила индивидуального и группового поведения. Неадекватный образ «мы» – это согласованные селективные представления о характере взаимоотношений в дисфункциональных семьях, создающие для каждого члена семьи и семьи в целом семейный миф. По мнению А.Я. Варги (2001), семейный миф – это форма описания семейной идентичности, формообразующая и объединяющая всех членов семьи идея, образ, история, идеология. Одна из моделей возникновения деструктивного образа семьи содержится в концепции патологизирующего семейного наследования (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 1999), в рамках которой рассматривается схема формирования семейного мифа, реализующая принцип передачи и фиксации паттернов эмоционально-поведенческого реагирования в направлении от поколения прародителей к поколению внуков.

Когнитивные аспекты восприятия образа семьи ее членами, создание согласованных представлений о семейном функционировании, базирующихся на когнитивных семейных сценариях, с помощью которых поддерживается семейное единство, рассматриваются в рамках когнитивной психологии (F. Heider, 1958; J. Haley, 1978, 1984; D. Clauss, 1981 и др.) и когнитивно-поведенческой психотерапии (A. Ellis, 1977, 1981).

A.J. Ferreira (1963) считает, что семейный миф, меняя перцептивный контекст семейного поведения, приводит к грубым искажениям и отчуждению

группы от реальности. Итальянскими системными семейными психотерапевтами (M. Selvini Palazzoli, L. Boscolo, G. Cecchin, G. Pratta, 1978) семейный миф рассматривается как продукт коллективного творчества, стойкость которого позволит группе устоять против любых разрушающих воздействий.

Представители трансгенерационной и межгенерационной семейной терапии (M. Bowen, 1978, 1987; C. Whitaker, A. Napier, 1980; P. Watzlawick, 1972, 1982 и др.) интерпретируют возникновение деструктивных семейных представлений как эволюцию текущих трансакционных паттернов в ряду поколений и выделяет два типа их передачи: 1) различные виды межгенерационной передачи (семейные привычки, стиль жизни, ритуалы); 2) трансгенерационная передача (тайна, о которой не говорят). Концепция «синдрома годовщины» («синдрома предков») А.А. Шутценбергер (2001), идеи трансляции культурного опыта И.Г. Яковенко (1998) повествуют об устойчивости семейных деструкций, неосознанно возникающих в силу сбоя механизмов трансляции сценариев, приводящих к замене позитивного образа семьи негативным. И. Бузормени-Надь (1973) выделяет понятия «лояльность» семье, «парентификация» и «семейный миф», с помощью которых деструктивный образ семьи передается трансгенерационным способом. Н. Абрахам, М. Тёрёк (1967, 1978) связывают возникновение деструктивного образа семьи с феноменоми «склепа» и «призрака», которые «внедряются» в потомка вследствие травмы или семейной тайны, часто обусловленной несправедливыми событиями (родственник, умерший во время войны или оставшийся без погребения; убийство, разорение, внебрачные дети, самоубийство). Образ семьи можно выявить через паттерн функционирования семейных ритуалов, образующих бессознательно структурированную целостность и способствующих «уравновешиванию баланса семейных счетов» (равновесия между тем, что получено, и тем, что отдано). Ф. Сенгли (1996, 1998) считает, что семья способствует выстраиванию личной идентичности и поиску самого себя через семейную идентичность. По мнению A. Fine (1998, 1999), семейная идентичность является выражением аффективного регистра интерсубъективности и символического регистра родства. Деструктивный образ семьи заключается в нарушении семейной идентичности и возникает как конденсация эмоциональных, половых, семейных и социальных аспектов «социопсихиче-

ских узлов» неразрешенных проблем, передающихся трансгенерационным способом (B. Gaulejac, 1987, 1996, 2001).

Обобщая все вышесказанное можно уточнить определение образа семьи. *Образ семьи* – это социально-психологический феномен (целостное, интегрированное образование), представляющий собой семейную идентичность, семейное бессознательное. Образ семьи имеет следующие общие признаки: а) одной из наиболее важных функций образа семьи является целостная регуляция поведения семьи, согласование позиций отдельных ее членов; б) образ семьи определяется через основные компоненты структуры семьи как системы; в) образ семьи обычно функционирует в рамках правил и ритуалов семейной системы, главным образом, на бессознательном уровне; г) деструктивный образ семьи может возникать на почве неразрешенного конфликта, тайны, несправедливого отношения к семье и выступает в виде семейного мифа, который согласно принципу синхронии К.-Г. Юнга и эффекта незавершенного действия Б.В. Зейгарник передается внутри рода от поколения к поколению и приводит к возникновению суицидальных состояний.

В *параграфе 2* приводятся различные точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на проблему самоубийства. Суицид как социально-психологический феномен рассматривается дифференцированно с точки зрения основных направлений и взглядов на его природу.

Социально-психологический подход Э. Дюргейма (1897) определяет суицид как результат нарушения интерперсональных связей личности, отчуждения индивида от той социальной группы, к которой он принадлежит. Представители личностного подхода в зарубежной психологии – З. Фрейд (1912), А. К. Менингер (1936), Э. Берн (1992), Э. Фромм (1994), Адлер (1997) и др. – рассматривают самоубийство в контексте бессознательных влечений человека: эроса и танатоса. Касаясь вопроса о самоубийстве, К.-Г. Юнг (1994, 1997) указывал на бессознательное стремление человека к духовному перерождению как одну из причин суицида. По С. Грофу (1996), диапазон переживания умирающего базируется на глубоких изначальных (архетипических) и трансцендентальных формах сознания.

В отечественной психологии суицид в настоящее время изучается как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях микроконфликта (А.Г. Амбрумова (1978, 1980, 1985, 1988, 1994, 1995), В.А. Тихоненко (1978), Л.З. Трегубов (1978), С.В. Бородин (1979, 1980, 1981), А.С. Михлин (1979, 1994), М.С. Занадворов (1992), А.С. Слуцкий (1992), И.Б. Бойко (1995), О.В. Дубровская, В.И. Власенко, Г.В. Залевский (1998) и др.).

Таким образом, представление о самоубийстве как о сугубо личностном явлении сменилось новыми теоретическими концепциями, рассматривающими возникновение суицидальных состояний в контексте взаимодействия «личность–социум».

В *параграфе 3* дается анализ психологических исследований по вопросу влияния условий военной службы на личность военнослужащих. Так, в целом ряде исследований отмечается деструктивное воздействие особых условий (в том числе и армии) на деятельность и функциональное состояние человека, вследствие возникающего в этих условиях несоответствия между его возможностями и объективными требованиями деятельности (Б. С. Братусь, 1988; В.И. Лебедев, 1989; М.Ш. Магомед-Эминов, 1996; Л.В. Певень, 1997; В.С. Ефимов, В.А. Охонин, В.Г. Суховольский, 1998; А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин, Е.Б. Шустов, 1998; А.Н. Дорожевец, 1998; С.В. Тарасов, 1999). При этом чем больше длительность психоэмоциональных нагрузок и более интенсивно воздействие психогенных факторов, тем более тяжелы последствия для психического здоровья военнослужащих.

На основании анализа литературных и собственных эмпирических данных было выдвинуто предположение, согласно которому деструктивный образ семьи является одним из факторов, влияющих на возникновение суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы. Оперирование понятием «образ семьи» (семейная идентичность, семейное бессознательное) приобретает в настоящее время особое значение в связи с реализацией современных идей научного анализа тайных смыслов самоорганизационных процессов в медицине, психологии, физике и пр., при помощи фракталов Мандельброта, отражающих новые подходы в социальной психологии. Психофракталы лежат в основании

работы процессов смыслопорождения (Д. Леонтьев, 1999), и могут выступать в качестве активного начала трансгенерационной передачи деструктивного образа семьи как флуктуационные частички сложной системы «нераспакованного (непроявленного) Мира», то есть Универсальной психики (В.Налимов, 1989; А. Лобок, 1999; Е.А. Донченко, 2001).

Глава вторая *«Программа исследования деструктивного образа семьи военнослужащих срочной службы с суицидальными состояниями»* содержит методологические и теоретические основания работы, описание поэтапной организации и проведения исследования, характеристику выборки, цели исследования, применявшиеся методический, психодиагностический и психокоррекционный блоки.

Характеристики выборки определялись аналитическими задачами данного исследования, а ее репрезентативность – целевой установкой исследовательской программы. Использованы данные обследования 142 военнослужащих срочной службы (71 военнослужащий с суицидальными состояниями составил экспериментальную выборку и 71 военнослужащий без суицидальных мыслей и попыток – контрольную) в возрасте 18 лет. В экспериментальной группе были выделены две подгруппы: «Суицидальные попытки» (32 человека), «Суицидальные мысли» (39 человек). Большинство военнослужащих исследуемых групп воспитывались в полной семье, 21,1 % юношей экспериментальной и 16,6 % контрольной групп воспитывались в неполной семье матерью. Распределение выборки по уровню материального благосостояния семьи говорит о том, что большая часть семей испытуемых имеет очень низкий уровень ежемесячного дохода на каждого члена.

Методы исследования. В исследовании был использован комплекс подходов, методов, методик и процедур: 1) Организационные: метод сплошной выборки, метод фильтрующего опроса. 2) Психодиагностические: методика психодиагностики суицидальных намерений А.А. Кучера (2002), авторская анкета «Мое мировоззрение», индивидуальное глубинное интервью (А. Адлер, 1978; А. Шюц, Г. Гарфинкель, А. Сикурел, 1982; С.А. Белановский, 1993), авторская методика «Антисуицидный барьер личности», шкала самооценки эмоциональных состояний, методика оценки душевной боли Э. Шнейдмана в ав-

торской модификации, модернизированный опросник психологических потребностей Г. Мюррея. 3) Интерпретационные: контент-анализ, с помощью которого реализуется задача построения психосемантического пространства текста, феноменологический подход реализуется в ходе исследования вербальных самоотчетов, с его помощью описывается и понимается опыт переживания, непосредственно появляющийся в сознании, герменевтическая модель как интерпретационная направлена на процесс понимания, прочтения (извлечения смысла), реконструкцию, конструирование, смысловой синтез (М.М.Бахтин,1995; Ю.М.Лотман, 1996; А.А.Брудный,1998 и др.). 4) Психокоррекционные: методологическое наполнение модели психокоррекционной системы составляют идеи психологов и психотерапевтов различных направлений: логотерапии В. Франкла (1982, 1990), психотерапии личностного смысла Р. Мэя (1999), экзистенциально-гуманистической психотерапии И. Ялома (2001), экзистенциально-феноменологических техник гештальттерапии Ф. Перлза (2001) и психодрамы Я.Л. Морено (1999) и др. В психокоррекционной программе использовался эклектический прагматический подход в выборе психокорригирующих методов: музыкотерапия (Knill C., 1983, Aldridge D., 1993, Р. Ассаджиоли, 2002), метод эмоциональной психодрамы (M. Pages, 1993), приемы нейролингвистического программирования (Р. Бэндлер, Д. Гриндер, 1998), методы психокатарсической терапии (декапсуляция по Чолакову, медитативное письмо, медитативные психотехники по Эддингтону, аффирмативные психотехники по прощению обиды), техники системной семейной психотерапии (А. Шутценбергер, 2001; Г. Вебер, 2002; Б. Хеллингер, 2003) и др. 5) Статистические (данные исследования анализировались по 116 психодиагностическим параметрам): анализ частот, корреляционный и дисперсионный анализы, t-критерий Стьюдента. Для установления различий в оценках суждений между респондентами экспериментальной и контрольной группы проверялось наличие статистической сопряжённости по критерию χ^2 Пирсона. Статистический анализ матрицы данных осуществлялся в компьютерной системе STATISTICA.

Глава третья *«Анализ результатов исследования деструктивного образа семьи как одного из факторов возникновения суицидальных состояний у военнослужащих срочной службы»* включает результаты исследования

деструктивного образа семьи, описание типологии образа семьи у военнослужащих экспериментальной и контрольной групп, социально-психологические особенности военнослужащих срочной службы во взаимосвязи с типами образа семьи.

Первый этап анализа образа семьи военнослужащих срочной службы состоял в выделении из текстов интервью, анкет и методики неоконченных предложений инвариантных смысловых категорий, соответствующих категориям образа семьи и динамики семейной истории, которые были дополнены категориями мифотворчества, выделенными и описанными Э.И. Мещеряковой (2001). Анализ психосемантического пространства образа семьи исследуемой выборки позволил выделить 48 тем-признаков образа семьи, полученных с помощью контент-анализа и реконструированных при помощи герменевтического подхода.

Темы условно разбиваются на следующие категории: 1) Признаки лояльности и парентификации по отношению к семье: семейная тайна, неразрешенный семейный конфликт, семейная несправедливость, неотреагированная (неоплаканная) смерть, замещающий ребенок. 2) Признаки синхронии семейных сценариев: повторяющаяся модель ухода, ранние смерти, наличие повторяющихся травм либо несчастных случаев. 3) Признаки семейных связей: структура и границы между подсистемами семьи, взаимоотношения в семье, отношения с отцом, отношения с матерью. 4) Признаки темпоральности семейной истории: история о прошлом, действие семейной истории в настоящем времени, история о будущем, целостность психологического времени. 5) Признаки концепции «Я», образа «Я»: отражение в образе семьи внешнего мира вне личности, образ семьи как отражение себя во внешнем мире (о том, как выглядишь со стороны), озабоченность мнением окружающих и непониманием с их стороны. 6) Признаки рефлексии над своей семейной историей: определение испытуемыми семейной истории как проклятья, порчи, сглаза, легенды; определение испытуемым семейной истории как мечты о будущем семьи; отрицание и нежелание открыть семейную историю. 7) Ценностные признаки: размышление о глобальных проблемах человечества и других людях вообще; мечта об избраннице; отношения с любимым человеком; стремление к приключениям и роман-

тике; мечты о будущей карьере; упоминание о семейной жизни; желание иметь много друзей; мечты о благосостоянии и богатстве; желание не иметь проблем и забыть о них. 8) Размышления о судьбе: утверждения несбыточности мечты; страх, опасения за что-либо; преодоление черной полосы жизни; удача во всем, постоянное везение; утверждение веры во что-либо; предрешенность судьбы. 9) Религиозно-мистические признаки: вера в жизнь до рождения и после смерти; пересказ сюжета из любимой книги (книги жанра мистического фэнтези), собственной жизни.

Проанализировав процент встречаемости тем образа семьи, можно отметить, что наиболее часто встречающимися признаками в экспериментальной группе были «отношения с отцом» (94,3 %), «взаимоотношения в семье» (88,7 %), «неразрешенный семейный конфликт» (87,3 %), «структура и границы между подсистемами семьи» (85,9), «размышление о причинах суицидов в других странах» (84,5 %), «размышление о глобальных проблемах человечества» (81,6 %) и «вера в жизнь после смерти» (76 %). В контрольной группе у военнослужащих наиболее часто встречались такие темы-признаки, как «взаимоотношения в семье» (91,5 %), «позитивное отражение себя во внешнем мире» (87,3 %), «удача во всем (наличие ресурсов)» (81,6 %), «семейная история как мечта о будущем семьи» (73,2 %), «целостность психологического времени» (71,8 %), «мечты о карьере» (66,1 %) и «утверждение веры во что-либо» (66,1 %).

Для установления типологии образа семьи использовался анализ таблиц сопряжённости значимых различий между параметрами образа семьи в экспериментальной и контрольной группах. В группе военнослужащих без суицидальных состояний преобладает конструктивный образ семьи, статистически значимыми параметрами для которого являются: четко структурированные и проницаемые границы между подсистемами семьи ($p \leq 0,05$), целостность психологического времени личности ($p \leq 0,03$), позитивное отражение внешнего мира ($p \leq 0,03$), определение семейной истории как будущего своей семьи ($p \leq 0,0001$), отношения с любимым человеком ($p \leq 0,01$), мечты о будущей карьере ($p \leq 0,05$), упоминание о семейной жизни ($p \leq 0,002$); желание иметь много

друзей ($p \leq 0,003$), мечты о благосостоянии и богатстве ($p \leq 0,04$), желание получать удовольствие от жизни ($p \leq 0,002$).

Деструктивный образ семьи является фактором возникновения суицидальных состояний. У военнослужащих экспериментальной группы преобладает деструктивный тип образа семьи, статистически значимыми признаками являются: неоплаканная смерть, семейная тайна, повторяющаяся модель ухода, ранние смерти в семье ($p \leq 0,001$), нечетко структурированные и размытые границы между подсистемами семьи ($p \leq 0,05$), нарушенные взаимоотношения с отцом ($p \leq 0,001$), действие семейной истории в прошлом ($p \leq 0,05$), озабоченность мнением окружающих и непониманием с их стороны ($p \leq 0,05$), негативное отражение внешнего мира ($p \leq 0,01$), определение семейной истории как проклятиия, порчи, сглаза ($p \leq 0,03$), размышление о глобальных проблемах человечества и других людях вообще ($p \leq 0,05$), страх, опасения за что-либо ($p \leq 0,01$), предрешенность судьбы ($p \leq 0,04$), вера в жизнь после смерти ($p \leq 0,02$). В целом миф в жизни личности выполняет две базовых функции: а) поведенческую – ритуальную, связанную с инсценированием, воплощением в жизнь семейного мифа, его символов, метафор, нереальных образов; здесь миф первичен по отношению к поведению; б) объяснительную – темы мифа отражают поведение в преображенном, искаженном виде; здесь миф вторичен и служит для объяснения паттернов поведения, определенного самооправдания. В нашей выборке объяснительная функция выявляется через признак «озабоченность мнением окружающих» (59,1 % в экспериментальной и 16,9 % в контрольной группах).

Для изучения уровня суицидального риска у военнослужащих срочной службы была использована методика психодиагностики суицидальных намерений. Анализ распределения военнослужащих экспериментальной и контрольной выборок по группам суицидального риска показал, что в контрольной группе преобладает низкий и средний уровни суицидального риска. Данные, полученные в экспериментальной группе, показывают, что у военнослужащих этой группы наблюдаются высокий (22,5 %) и очень высокий (19,7 %)

уровни суицидальных намерений. Таким образом, группу суицидального риска в нашей выборке составляют 42,2 % испытуемых экспериментальной группы.

При статистическом сравнении показателей методики «Антисуицидный барьер личности» по t-критерию Стьюдента были обнаружены значимые различия между экспериментальной и контрольной группами по шкалам: «представление о будущем» ($p \leq 0,001$), «целостность психологического времени личности» ($p \leq 0,001$), «осмысленность и ценность жизни» ($p \leq 0,001$), «боязнь физического страдания» ($p \leq 0,05$), «привязанность к близким» ($p \leq 0,01$), «религиозные верования» ($p \leq 0,05$). Интегральный показатель антисуицидного барьера значительно выше в контрольной группе (16,72), чем в экспериментальной (7,42) группе ($p \leq 0,001$).

По результатам дисперсионного анализа показателей эмоциональной сферы военнослужащих исследуемых групп было выявлено, что экспериментальная группа значимо отличается от контрольной по 21 (из 33) показателю. Значительные различия были обнаружены при сравнении показателей «экзистенциальных» эмоциональных состояний: беспомощность, тоска, безысходность, одиночество, печаль, «пустота» ($p \leq 0,01 – 0,001$), средние значения которых намного выше у военнослужащих с суицидальными состояниями.

Показатели эмоций деструктивного характера (злость, гнев) также значительно выше в экспериментальной группе, чем в контрольной ($p \leq 0,05$). Анализ показателей эмоциональных состояний страха, тревоги и горя выявляет ту же тенденцию в соотношениях между экспериментальной и контрольной группами, что и по остальным показателям ($p \leq 0,05$). Вероятно, у военнослужащих с суицидальными состояниями наблюдается переживание чувства утраты контроля над ситуацией (именно чувство физической или психологической несвободы, как правило, вызывает у человека эмоцию гнева и злости), и в связи с этим потери смысла происходящих событий, эмоциональный паттерн тревоги и страха можно рассматривать как следствие временной разлуки со значимыми людьми и утраты своей «гражданской» социальной роли.

Высокие показатели душевной, «экзистенциальной» боли, полученные в группе военнослужащих с деструктивным образом семьи, являются выражением утраты смысла жизни (М. Хайдеггер, 1996, 1997; С. Кьеркегор, 1998; Л.

Бинсвангер, 2001; Ф.Е. Василюк, 1997, 2001; А. Моховиков, 2001, 2003; С. Аванесов, 2003 и др.). Результаты отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительные показатели оценки выраженности душевной боли у испытуемых исследуемой выборки

Показатели душевной боли	Среднее		Дисперсия		t-критерий
	экспер.	контр.	экспер.	контр.	
В данный момент	4,14	1,50	3,00	0,99	2,70**
Самая сильная	7,09	3,71	2,83	1,29	6,87***

** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

Результаты исследования мотивационно-потребностной сферы показали, что у военнослужащих экспериментальной группы как наиболее значимые рассматриваются следующие потребности: «осознание причин происходящего вокруг», «защита своего психологического пространства», «избегание стыда и унижений», «поддержание порядка в вещах и мыслях» и «проявление заботы о других». Потребности, трактуемые испытуемыми этой группы как наименее важные, – «влияние и контроль над людьми», «достижение значимых целей», «получение чувственного наслаждения» и «избегание боли и травм (физических)». В контрольной группе жизненно важными считаются следующие потребности: «достижение значимых целей», «быть любимым», «преодоление своих неудач и поражений». На последние места в иерархии психологических потребностей испытуемые этой группы чаще всего ставят «осознание причин происходящего вокруг», «получение поддержки и заботы от других», а также «влияние и контроль над людьми», «избегание стыда и унижений».

Получив и проанализировав результаты исследования социально-психологических особенностей военнослужащих с состояниями, нами было спланировано исследование влияния психокоррекционных мероприятий по дезактуализации суицидальных состояний через формирование антисуицидного барьера. Для изучения влияния проведенных коррекционных мероприятий на формирование антисуицидного барьера у военнослужащих экспериментальной группы был проведен сравнительный анализ психодиагностических данных, который выявил достоверно значимое снижение показателя душевной боли, испытываемой респондентами «здесь и сейчас» ($p \leq 0,01$). Снижение данного показателя произошло в 98,5 % (70) случаев. После проведения контрольного психодиагностического среза было отмечено повышение общего показателя

«АБЛ» у 100 % военнослужащих с деструктивным образом семьи, в том числе до нормы (диагностированной у контрольной группы) – у 64,7 % (46 случаев).

В **заключении** подводятся итоги исследований, предпринимается попытка объяснить некоторые наиболее интересные факты и закономерности социально-психологических особенностей военнослужащих срочной службы в соотнесении с типами образа семьи и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Деструктивный образ семьи проанализирован как социально-психологический феномен, базирующийся на механизмах переноса индивидуального эмпирического опыта самоидентичности в социальный, семейную идентичность; построена и обоснована его теоретическая и эмпирическая модель в контексте представлений о семейной идентичности, макро- и микродинамике семьи и семейных мифах. Обоснован методический аппарат исследования одного из компонентов структуры деструктивного образа семьи через психодиагностику антисуицидного барьера как средство обратной связи в процессе восстановления целостности отношений индивида к близким людям, осмысленности жизни и психологического времени. Данная цель реализуется через концепции духовной реабилитации как феноменологического содержания переживаний и представлений в ходе реконструкции душевной боли, фрустрированных мета-потребностей, трансформации деструктивного образа семьи в конструктивный (И. Ялом, 2000; Э. Шнейдман, 2001; Ф.Е. Василюк, 1997, 2001; Р. Мэй, 2001; Р. Кочюнас, 2002, 2003; А. Моховиков, 2001, 2003 и др.).

Проведенное диссертационное исследование имеет значимые научно-практические перспективы и может быть продолжено в направлении изучения специфики конструирования и трансформации семейных мифов у индивидов разных социальных групп.

Выводы

1. Произведен анализ образа семьи как социально-психологического феномена и построена его теоретическая модель в контексте представлений о семейной идентичности, макро- и микродинамике семьи и семейных мифах.

2. Обоснована описательная эмпирическая модель образа семьи, структуру которой составляют выделенные девять блоков категорий образа семьи, динамики семейной истории и семейного мифотворчества: лояльность и парентификация по отношению к семье, синхрония семейных сценариев, характер семейных связей, темпоральность семейной истории, концепция и образ «Я», рефлексия над своей семейной историей, ценностные ориентации, размышления о судьбе, религиозно-мистические составляющие.

3. На основе произведенной классификации типов образа семьи, условно названных конструктивным и деструктивным, установлено, что деструктивный образ семьи является одним из факторов возникновения суицидальных состояний. Психосемантическое пространство деструктивного образа семьи военнослужащих срочной службы с суицидальными состояниями включает следующие темы-признаки: неоплаканная смерть, семейная тайна, повторяющаяся модель ухода, ранние смерти в семье ($p \leq 0,001$), нечетко структурированные и размытые границы между подсистемами семьи ($p \leq 0,05$), нарушенные взаимоотношения с отцом ($p \leq 0,001$), действие семейной истории в прошлом ($p \leq 0,05$), озабоченность мнением окружающих и непониманием с их стороны ($p \leq 0,05$), негативное отражение внешнего мира ($p \leq 0,01$), определение семейной истории как проклятия, порчи, сглаза ($p \leq 0,03$), размышление о глобальных проблемах человечества и других людях вообще ($p \leq 0,05$), страх, опасения за что-либо ($p \leq 0,01$), предрешенность судьбы ($p \leq 0,04$), вера в жизнь после смерти ($p \leq 0,02$)

4. Определены отличительные особенности личностных установок, эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы, духовных и экзистенциальных ценностей у военнослужащих с деструктивным и конструктивным типами образа семьи, относящиеся в основном к содержанию экзистенциальных переживаний.

5. Разработана и апробирована психокоррекционная программа, направленная на дезактуализацию суицидальных состояний, позволяющая эффективно реализовать формирование антисуицидного барьера у военнослужащих, решить задачи социальной адаптации в воинском коллективе.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

1. Моцарь С.В. Семейный миф и формирование суицидальных тенденций / Моцарь С.В., Мещерякова Э.И. // Сибирский психологический журнал. Томск, 2001. – Вып. 14 – 15. – С. 67 – 75 (2/3 личного участия).

2. Моцарь С.В. Роль психогенетических факторов в формировании суицидального поведения у молодежи // Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежная политика как превенция отклоняющегося поведения». Юрга, 2003. – С. 65 – 70.

3. Моцарь С.В. Осмысленность жизни как важная составляющая психического здоровья человека // Образование. Карьера. Общество. Кемерово, 2004. – № 1 (3). – С. 76 – 80.

4. Моцарь С.В. Суицидальные состояния молодежи в контексте соотношения биологических и социально-психологических факторов // Психолого-педагогические исследования в системе образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 5 ч. Ч. 2. Москва; Челябинск, 2004. – С. 38 – 40.

5. Моцарь С.В. Образ семьи и суицидальные состояния молодежи (результаты экспериментального исследования) // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 5 ч. Ч. 3. Москва; Челябинск, 2004 – С. 27–29.